

А.Ф. Петрушевский

**Генералиссимус князь
Суворов**

том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А11

А11 **А.Ф. Петрушевский**
Генералиссимус князь Суворов: том 2 / А.Ф. Петрушевский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 476 с.

ISBN 978-5-458-23033-9

Книга написана известным историком XIX века Александром Фомичем Петрушевским (1826-1904), генерал-лейтенантом русской армии. Биография составлена на основе анализа источников, по большей части рукописных и остававшихся неизвестными к тому времени, а также практических всей изданной литературы о Суворове. Автором было изучено огромнейшее количество документов, но, как признается сам Петрушевский, его жизни не хватило бы для внимательного и всестороннего изучения всех материалов, которыми он располагал. На книгу у автора ушло 8 лет усидчивого труда. Петрушевский подробно описывает условия формирования характера и полководческого гения своего героя, позволяя читателю ощутить непередаваемый суворовский дух. Но исследование отнюдь не ограничивается пересказом событий жизни Суворова. Петрушевского очень интересовал психологический портрет Суворова и природа суворовского феномена в восприятии общества. Суворов справедливо рассматривается Петрушевским как явление уникальное, но историк делает из этого следующий вывод - уникальное явление не имеет глубоких корней, оно по природе феноменально и оказывается лишь исключением из правил. Поэтому в капитальном исследовании Петрушевского мы не находим крупных исторических обобщений, анализа эпохи Суворова и эпохи, предшествовавшей Суворову. Книга Петрушевского - уникальный образец честной скрупулёзной работы историка-биографа. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1884 года.

ISBN 978-5-458-23033-9

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ Херсонѣ: 1792—1794.

Инструкція Суворову.—Инженерные работы; недостатокъ въ деньгахъ; отмѣна заключенныхъ Суворовымъ контрактовъ; готовность его удовлетворить подрядчиковъ на свой счетъ. — Наблюденіе за происходящимъ въ Турціи; продиктованный Суворовымъ планъ войны. — Возстановленіе порядка службы въ войскахъ; мѣры противъ дезертирства и своеолій; противъ волненій въ казачьихъ полкахъ; противъ развитія болѣзней. — Желаніе Суворова избавиться отъ непріятной службы; тревожное его состояніе при слухахъ о войнѣ; два прошенія о дозвolenіи поступить въ иностранныя арміи. — Образъ жизни Суворова, переписка.—Польская революція; подчиненіе пограничного района Румянцову; обезоруженіе польско-русскихъ войскъ; распределеніе пограничныхъ военныхъ силъ. —

Назначеніе Суворова въ Польшу.

Отправляясь въ Херсонъ, Суворовъ получилъ довольно подробное наставление. Ему ввѣрялось начальство надъ войсками въ екатеринославской губерніи, таврической области и вновь присоединенномъ отъ Турціи краѣ, съ обязанностью руководить производившимися тамъ крѣпостными работами. Черноморскій флотъ оставался подъ начальствомъ вице-адмирала Мордвинова, а гребной—подъ командою генерал-маіора де-Рибаса, который находился въ зависимости отъ Суворова лишь по войскамъ, на флотъ находящимся. Суворову приказано осмотрѣть войска, удостовѣриться въ ихъ исправности, пополнить недостающее; обозрѣть берега и границы, представить соображеніе о приведеніи ихъ въ безопасноть отъ нечаяннаго нападенія; разрѣшено также измѣнить дислокацию войскъ, не давая однакоже

новода сосѣдамъ думать, будто мы тревожимся; — наконецъ, указано собирать и представлять извѣщенія изъ-за границы, «какъ посредствомъ конфидентовъ, такъ и по допросамъ купцовъ и выходцевъ получаемыя»¹⁾.

Прѣзжалъ въ Херсонъ чрезъ Петербургъ, Суворовъ оставался тамъ не долго и отправился на югъ не совсѣмъ довольный, потому что ему были сдѣланы намеки, а можетъ быть и прямо внушенія, насчетъ устраненія дурныхъ сторонъ его финляндскаго командованія. Вообще своими финляндскими объясненіями онъ вовсе не достигъ той цѣли, на которую разсчитывалъ. Даже графъ Безбородко, не говоря уже про другихъ, былъ противъ назначенія Суворова на турецкую границу: онъ-де всѣхъ изнурить и разгонитъ, какъ въ Финляндіи, а Турчанинову будетъ писать однѣми загадками. Эта оттѣночка недовѣрія и опасеній выразился еще яснѣ по прибытии Суворова на мѣсто: здѣсь получилъ онъ вскорѣ рескрипты Императрицы, гдѣ говорилось, что хотя употребленіе солдатъ къ крѣпостнымъ работамъ позволительно, «но мы соизволляемъ рѣшительно, чтобы оно сопряжено было съ собственной ихъ пользой» и безъ изнуренія, а также чтобы госпиталямъ отнюдь не уничтожать, такъ какъ полки не обладаютъ средствами, чтобы пользоваться больныхъ и содержать ихъ на свое мѣсто попеченіи. Такимъ образомъ, военно-санитарные взгляды Суворова остались не понятными и грозили ему впереди повышенными непрѣятностями. Но все эти мелочи не измѣняли сущности дѣла, которое состояло въ довѣріи къ нему Государыни, въ надеждахъ, возлагаемыхъ на него всей Россіей, и въ опасеніяхъ, которыхъ возбуждало его имя во врагахъ. Довѣріе Государыни сказалось въ самомъ назначении Суворова на югъ, вопреки неблаговоленію къ нему высшихъ придворныхъ и служебныхъ сферъ. Сочувствіе соотечественниковъ, не подлежащее никакому сомнѣнію, подтвердилось единимъ мелкимъ фактомъ, доказывающимъ однако, какъ велика уже была въ то время популярность Суворова. Въ проѣздѣ его черезъ Бѣлгородъ, у него испросили аудіенцію двое семинаристовъ и поднесли ему печатную оду, написанную въ его честь. Наконецъ, вскорѣ по прибытии на мѣсто, онъ получилъ отъ

Хвостова, русского резидента в Константинополь, денешу, въ которой между прочимъ значилось: «одинъ слухъ о бытии вашемъ на границахъ сдѣлалъ и облегченіе мнѣ въ дѣлахъ, и великое у Порты впечатлѣніе; одно имя ваше есть сильное отраженіе всѣмъ внушеніямъ, кои отъ стороны зломыслящихъ на преклоненіе Порты къ враждованию намъ дѣлаются» ²).

Прибывъ въ Херсонъ, Суворовъ принялъ тотчасъ же за самое ему непрѣятное — возведеніе крѣпостныхъ построекъ и, чтобы не прощадило самое дорогое время, онъ заключилъ контракты съ подрядчиками, а такъ какъ задаточныхъ денегъ не было, то надавалъ имъ векселей. Это произвело большой переполохъ въ петербургскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, которымъ приходилось расплачиваться; стали раздаваться протесты, отказы. Турчанинову пришлось списываться съ Суворовымъ за всѣхъ, объясняя ему съ большою осторожностью, что политическое положеніе едва ли требуетъ такого спѣха, что мало денегъ, что пѣкоторыми изъ работъ придется замедлить и т. под. Суворовъ отвѣчалъ: «вы дѣлаете конецъ начальству и предваряете тогда, когда я фундаментъ утвердилъ... Политическое положеніе извольте спросить у вице-канцлера, а я его постигаю какъ полевой офицеръ... Вы временили 2 мѣсяца вмѣсто двухъ дней, подобно какъ бы ловили меня за рыбу въ тенета, зная, что я не сплю... Пропалъ бы годъ, еслибы я чуть здѣсь медлилъ контрактами, безъ коихъ по состоянію страны обойтись не можно... Вы говорите, ихъ не надобно; это надлежало мнѣ сказать въ Петербургѣ. Такъ сей годъ повороту нѣть; будущій годъ въ вашей власти. Присылайте деньги и съ ними хоть вашего казначея» ³).

Но это легко было сказать, а трудно сдѣлать при бездѣнежье. Суворовъ, присутствіе котораго требовалось настоятельно въ разныхъ мѣстахъ его района, сидѣлъ въ ожиданіи денегъ прикованный къ Херсону, сердился, жаловался, грозилъ. А ему тѣмъ временемъ подготовлялся ударъ. Еще въ февралѣ 1793 г. онъ представилъ свои соображенія о измѣненіи плана пѣкоторыхъ укрѣплений; въ апрѣль послѣдовалъ ему отвѣтный рескриптъ Императрицы. Проекты его одобрялись въ принципіи,

ему свидѣтельствовались «особливое удовольствіе и призна-
тельность», но за недостаткомъ средствъ, нѣкоторыя работы
простанавливались на неопределенный срокъ, другія разерочи-
вались на болѣе или менѣе продолжительное время. Сообрази-
сь этими указаніями, ему повелѣвалось представить генераль-
ную смету, «съ расположениемъ подобныхъ на то издержекъ
погодно» и съ точнымъ опредѣленіемъ суммы на каждый годъ.
Засимъ, хотя въ очень мягкой формѣ, подносились Суворову
позолоченные пилиюли: солдатъ употреблять на работы безъ
изнуренія; платить имъ по 10 коп. въ рабочій день; по мирной
порѣ и ненадобности экстренныхъ мѣръ, подряды производить
и контракты заключать, на основаніи законовъ, въ казенной
палатѣ. Наконецъ, въ виду того, что никакое правительствен-
ное учрежденіе, кроме сената, не имѣть власти заключать
контракты болѣе, какъ на 10,000 рублей, «заключенные въ
походной канцеляріи вашей контракты оставить безъ дѣй-
ствія»⁴⁾.

До полученія этого реескрипта, Суворовъ писалъ Хвостову:
«по неприсылкѣ денегъ, съ препонами, о грусти моей внушать
можете, коли прилично, но не въ жалобномъ видѣ; истинно такъ
тошно, что я здѣшнему предпочитаю Финляндію». Теперь онъ
опрокинулся на Турчанинова: «такъ добрые люди не дѣлаются;
вы играете вашимъ словомъ, я ему вѣрю, а вы пускаете плащъ
по всякому вѣтру, вѣдая, что они не постоянны». Онъ исчи-
сляетъ Турчанинову насколько больше были средства Потем-
кина для тѣхъ же строительныхъ работъ, какъ будто могла суще-
ствовать на практикѣ какая-нибудь паралель между Потемки-
ниномъ и имъ; указываетъ на необходимость быстрыхъ и полныхъ
крѣпостныхъ работъ въ южномъ краѣ и, принимая всѣ эти
препятствія близко къ сердцу, въ письмѣ къ Хвостову восклик-
аетъ съ горечью: «Боже мой, въ какихъ я подостяхъ, и
ви. Григорій Александровичъ никогда такъ меня не унижалъ».

Такимъ образомъ мечты о службѣ на югѣ, лелѣянныя въ
Финляндіи, разсѣялись при первомъ почти прикосновеніи къ
дѣйствительности. Таковъ ужъ былъ Суворовъ. Впрочемъ, кромѣ
нейшихъ въ успѣхѣ дѣла, создавалось еще весьма непріятное

лично для него положение: подрядчики успѣли зайти далеко, и теперь должны были нести убытки, некоторые даже разореніе. Это его не только заботило, но и подвигнуло на рѣшительный шагъ. Онъ написалъ Хвостову: «Подрядчикамъ выданы деньги изъ казны, я долженъ буду взвѣсть и, чтобы не отвѣтить Богу въ ихъ разореніи, остальный имъ дополнить. Чего ради извольте продать мои новгородскія деревни не ниже 100,000 рублей; людей перевѣстъ въ Сузdalь. Теперь еще не знаю, какая и будетъ ли выручка за материалы, съ согласія подрядчиковъ; хорошо, колиѣ осталось на выплату, а остальный мнѣ на странствованія». Позже цифры опредѣлились: требовалось по расчету Суворова 91,148 рублей, въ томъ числѣ 23,648 рублей для пострадавшихъ купцовъ, а остальное въ казну; цѣна за новгородскія имѣнія назначалась въ 150,000 р. и никакъ не ниже 135,000. Но все дѣло обошлось благополучно, и прибѣгать къ крайней мѣрѣ не потребовалось; какимъ именно способомъ и при какомъ компромиссѣ достигнуто удовлетвореніе обѣихъ сторонъ, не знаемъ⁵⁾.

При описанномъ настроеніи Суворова, трудно было съ нимъ ладить строителямъ. Ихъ было двое — полковникъ Князевъ и поступившій на русскую службу подполковникъ де-Воланъ, знакомый Суворову еще въ послѣднюю войну съ Турками. Съ Князевымъ дѣло шло довольно гладко, но съ де-Воланомъ бывали беспрестанныя столкновенія. Недостаточно освоившійся съ условіями русской жизни и службы, де-Воланъ покладливостью не отличался и часто пытался сбросить съ себя гнетъ, казавшійся ему несправедливымъ или излишнимъ. «Князевъ хорошъ, де-Воланъ скученъ и грозенъ», пишетъ Суворовъ Турчанинову: «избалованъ и три раза уже абшѣть браль, а мнѣ истинно неколи о ихъ капризахъ думать». Но эти непрѣятности не имѣли большого значенія; немного спустя, Суворовъ отзывался о де-Воланѣ такъ: «онъ у меня принять какъ пріятель, а если вышло неудовольствіе, то сіе было отъ него же, и самъ онъ себя успокоилъ». Еще позже Курисъ пишетъ Хвостову: «де-Воланъ честнѣйший человѣкъ, его не знали; графъ душевно его любить». И дѣйствительно де-Воланъ оказался человѣкомъ вполнѣ достой-

нымъ, и между нимъ и Суворовымъ установились отношения пріятельскія ^{6).}

Вообще инженерная специальность занимала самое видное мѣсто въ дѣятельности Суворова на югѣ, какъ и въ Финляндіи. Сохранились подпісанные имъ планы: проектъ Фанагорійской крѣпости, три проекта укрѣплений Кинбурнской косы и Днѣпровскаго лимана, планъ крѣпости Кинбурна, главнаго депота (Тирасполя), форта Гаджидера (Овидіополя) на Днѣстровскомъ лиманѣ, Гаджибейскаго укрѣпленія, Севастопольскихъ укрѣплений. Часть ихъ строилась при немъ и подвигнулась впередъ ощутительно, другая только начата; есть и оставшееся въ проѣкѣ за короткимъ временемъ и недостаткомъ денегъ. Изъ Севастопольскихъ укрѣплений начаты 4 форта, въ томъ числѣ 2 казематированные; въ Гаджибѣѣ (Одесса) устроивалась военная гавань съ купеческою пристанью, по планамъ де-Волана, подъ непосредственнымъ руководствомъ де-Рибаса и высшимъ надзоромъ Суворова ^{7).}

Въ тоже время производились внимательныя наблюденія за всѣмъ, что дѣжалось у сосѣда, и принимались мѣры предосторожности. Къ Суворову присыпались извѣщенія нашихъ временныхъ и постоянныхъ дипломатическихъ агентовъ на Балканскомъ полуостровѣ; доходили до него свѣдѣнія даже изъ Италии, изъ Польши и другихъ мѣстъ. Наши посланники и консулы не спускали глазъ съ Турціи, также съ дѣйствительныхъ и минимыхъ замысловъ Французскаго революціоннаго правительства, сообщая обо всемъ Суворову. Разспрашивались шкипера купеческихъ судовъ, турецкіе бѣглые; доставлялись отрывки газетъ, преимущественно гамбургскихъ; цитировались частныя письма. Добытыя такими путями свѣдѣнія, Суворовъ сообщалъ въ Петербургъ, графу Зубову, иногда даже самой Государынѣ.

Въ нихъ много тревожнаго, но мало дѣйствительно опаснаго и бездна противорѣчий; особенно пессимистскимъ характеромъ отличаются извѣщенія яссскаго консула Северина. «Северинъ вамъ вретъ», разубѣждаетъ Суворова изъ Константинополя Кутузовъ, посланный туда съ особою миссіей: «крѣпости турецкія валятся, флотъ не силенъ, вся внутренность разстроена, а паче всего вы-

тутъ». Полгода спустя, нашъ посланникъ въ Константинополѣ, Кочубей, подтверждаетъ тоже самое и успокаиваетъ Суворова по крайней мѣрѣ на срокъ до осени 1794 года. Но Суворову, поставленному на стражъ и снабженому известными инструкціями, нельзя было успокаиваться, и онъ продолжалъ готовиться къ войнѣ съ обычнымъ своимъ рвениемъ и энергией ⁸⁾.

А между тѣмъ именно это рвение и энергія были отчасти причиной тревожнаго состоянія, которое замѣчалось въ Турціи. Усиленная военная дѣятельность въ пограничномъ русскомъ районѣ естественно смущала и беспокоила Турокъ; они старались проѣдѣть истинную причину приготовленій и съ этого цѣлью подсыпали шпионовъ. Въ такомъ смыслѣ писали Суворову Северинъ, Кочубей и Хвостовъ; послѣдній даже совѣтовалъ распустить слухъ, что наши вооруженія остановлены, такъ какъ слухъ этотъ тотчасъ дошелъ бы до Константинополя чрезъ посредство купеческихъ судовъ. Но приготовленія не прекращались, а усиливались. Поддерживались они между прочимъ интригами Французского правительства въ Константинополѣ и его враждебными намѣреніями, по донесеніямъ нашихъ агентовъ. Суворову сообщалось, что изъ Константинополя готовятся посѣтить русскіе черноморскіе порты два шпиона — француза, на суднѣ, нагруженномъ фруктами, и что за собираніе и доставку желаемыхъ свѣдѣній имъ объѣщано 7,500 піастровъ, кромѣ торговыхъ барышей. Писалось, что капитаны французскихъ военныхъ судовъ получили приказаніе нападать на русскіе купеческие корабли въ водахъ Турціи; что эскадра изъ 18 судовъ адмирала Латуша ожидается для совмѣстнаго съ Турками дѣйствія въ Черномъ морѣ; что подъ турецкимъ флагомъ пойдетъ въ Синопъ якобинское судно, подъ командой Перголе, а на возвратномъ пути зайдетъ въ одинъ изъ нашихъ портовъ. Особеннаго вниманія русскихъ властей заслужило неоднократно доходившее изъ-за границы извѣстіе, что бывшій полковникъ русской службы Анжели, около 30 лѣтъ назадъ выгнанный изъ Россіи за измѣну, собирается изъ Парижа, въ качествѣ уполномоченного якобинскаго клуба, посѣтить Россію снова. Описывались его примѣты, говорилось, что при немъ будетъ находиться его сынъ, бывшій пажъ

двора Екатерины, и еще нѣсколько человѣкъ; что Анжелі полу-
чила миллионъ франковъ золотомъ, а цѣль его миссіи—произ-
вести въ Россіи революцію въ родѣ французской. Какъ ни дуты
были большою частью эти извѣстія, по страху, наведенный
злодѣйствами французской революціи, и опасенія за монархи-
ческій принципъ, заставляли не пренебрегать ничѣмъ. А такъ
какъ область Суворовскаго командованія была мѣстомъ, куда
преимущественно направлялись всѣ дѣйствительные и мнимые
замыслы враговъ Россіи, то легко понять, что тутъ сосредото-
чивались и главныя мѣры противодѣйствія. Дошло наконецъ до
того, что стали опасаться французского десанта на русскіе че-
рноморскіе берега и, по требованію графа Зубова, Суворовъ проек-
тировалъ, при сотрудничествѣ де-Волана, планъ защиты береговъ
отъ 15,000-ной высадки Французовъ, съ обозначеніемъ пунк-
товъ, гдѣ надо имѣть войска и гребныя суда, и съ исчисленіемъ
тѣхъ и другихъ. Проектъ этотъ въ январѣ 1794 года онъ отпра-
вилъ къ Зубову съ де-Рибасомъ⁹).

Главныя опасенія впрочемъ заключались въ предположеніи
о возможности близкой войны не съ Франціей, а съ Турцией.
Едва-ли даже можно называть эти заботы *опасеніями*, такъ
какъ возбуждались онъ главнымъ образомъ не извѣтъ, а шли отъ
Петербургскаго кабинета. Турція не желала войны, ибо не могла
еще оправиться отъ предшествовавшей; сношенія ея съ Россіей
отличались умѣренностью и миролюбіемъ; если она принимала
военные мѣры, то въ смыслѣ оборонительному, вынуждаемая
приготовленіями Россіи. Желала войны Екатерина, не забывшая
прежнихъ проектовъ, которые она лелѣяла вмѣсть съ Потемки-
нымъ. Возбуждалъ ее къ этому преемникъ Потемкина, Зубовъ,
въ воображеніи котораго роились мечты о высшемъ команкова-
ніи, о фельдмаршальствѣ. Греческій проектъ Потемкина еще
имѣлъ за себя хоть какія нибудь даннныя въ политической и
войenneй обстановкѣ времени; дѣтскія же мечтанія Зубова совсѣмъ
висѣли въ воздухѣ, безъ всякой подъ собой почвы. Замыслы
его простирались на Персию, Тибеть, Китай и выражались, какъ
въ конечномъ результатаѣ, въ завоеваніи Турціи и во взятіи
Константина. Подъ вліяніемъ своего любимца, Екатерина не

могла вполнѣ отрѣшиться отъ химеръ прежняго, болѣе благоприятнаго для нихъ времени, и открыто, въ большомъ придворномъ кругу говорила, что ейъ надоѣло возиться съ Турками и что она убѣдить ихъ наконецъ, что забраться въ ихъ столицу ейъ также легко, какъ совершилъ путешествие въ Крымъ¹⁰).

Положеніе дѣялось весьма напряженнымъ, такъ что пущеный кѣмъ-то слухъ, будто Татары собираются съ турецкой стороны Днѣстра на нашъ берегъ для грабежа, заставилъ командовавшаго на границѣ генерала, принимать усиленныя мѣры предосторожности и даже просить подкѣплѣнія кавалеріей, хотя самъ онъ доносилъ, что признаетъ слухъ несбыточнымъ. Слѣдствіемъ натянутости, явилось учрежденіе укрѣпленнаго лагеря при Ботиѣ, а потомъ и усиленное его вооруженіе. Въ половинѣ января 1794 года послѣдовалъ отъ Екатерины Суворову рескриптъ о снабженіи войскъ всѣмъ нужнымъ по военному положенію, о докомплектованіи ихъ при встрѣтившейся надобности изъ остающихся на мѣстѣ, о сосредоточеніи однихъ полковъ при Ботиѣ, а другихъ, къ приморскому пункту, для посадки на гребную флотилію. Суворову приказывалось быть въ такой готовности, чтобы можно было захватить непріятельскій берегъ Днѣстра; говорилось, что Турокъ надо сразу озадачить; разрѣшалось даже, на случай объявленія войны Портою, начать военные дѣйствія, не сносясь съ Петербургомъ¹¹).

Суворовъ, какъ исключительно военный человѣкъ, не считать завоеваніе Турціи несбыточною мечтою, конечно при условіи, что оно будетъ поручено ему. Подъ влияніемъ назначенія своего съ свѣра на югъ, производившихся здѣсь военныхъ приготовленій и завоевательныхъ проектовъ прошедшаго и настоящаго времени, Суворовъ рѣшился набросать планъ наступательной войны съ Турцией и прилежно занялся этимъ дѣломъ въ концѣ 1793 года. Обдумавъ предметъ со всѣхъ сторонъ, онъ продиктовалъ свой планъ (по французски) де-Волану. Разгласить ли онъ самъ про свою работу чрезъ Хвостова или Турчинова, или вѣсть обѣ этомъ дошла въ Петербургъ другимъ путемъ, но только Екатерина потребовала планъ къ себѣ, и Суворовъ представилъ его въ ноябрь 1793 года. Этотъ замѣчатель-

ный въ историческомъ отношенииъ документъ (см. Приложение III), лучше всякихъ разсужденій даетъ понятіе о взглядѣ Суворова на предметъ ¹²⁾.

Кромѣ этого плана, въ бумагахъ Суворова сохранились отрывочные замѣтки, писанныя также по французски, частью имъ самимъ, частью де-Воланомъ, и служащія какъ бы дополненіемъ или поясненіемъ плана. Въ нихъ говорится вскользь не только о военной, но и о политической сторонѣ предмета; проектируется раздѣление Турціи, конечно безъ соображенія ненародившагося еще тогда принципа національностей; излагается, какъ слѣдуетъ поступать, если разрывъ послѣдуетъ съ турецкой стороны и какъ—если съ русской. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ. «Не раздѣлять силъ, пока Турки не будуть сильно побиты. Почти всѣ крѣпости ихъ разрушить. Зимнія квартиры (послѣ первой кампаніи) лѣвымъ флангомъ къ Варнѣ... Мы у подножія Балкановъ. Гдѣ проходитъ олень, тамъ пройдетъ и солдатъ... Умѣйте удержать Болгаръ въ ихъ домахъ, чтобы они не бѣжали въ горы, и тогда хлѣбъ у васъ будетъ. Въ Румеліи, плодородной странѣ, не можетъ быть недостатка въ продовольствіи. Но солдатъ долженъ заранѣе привыкнуть къ пшеничному хлѣбу, для чего слѣдуетъ по немногу примѣшивать пшеничную муку къ ржаной, доводя до пропорціи двухъ частей первой на одну вторую». Затѣмъ Суворовъ замѣчаетъ, что надо разсчитывать на 2 или 3 кампаніи, а Тамерланъ дѣлая обыкновенно разсчетъ на 5—6 кампаній: «вѣрность расчета принадлежитъ одному Проридѣнію». Принимается въ соображеніе участіе въ войнѣ Австріи, и противъ этого положена замѣтка: «между нами: сюда бы нужно кого-нибудь въ родѣ Дерфельдена». Разсчитывается на содѣйствіе Грековъ, на согласіе съ Махмудомъ Скутарскимъ, на диверсію Черногорцевъ. Части Босніи и Сербіи предполагается отдать Австріи; часть Далмациіи Венецианцамъ, если удастся ихъ завлечь въ войну; Англичанамъ Кандію и преобладаніе въ левантской торговлѣ; острова Архипелага уступить Венециі и другимъ союзникамъ; Греческую имперію составить изъ Греціи собственно, съ прибавкой Негропонта ¹³⁾.

Не ограничиваясь изложеніемъ своихъ соображеній на слу-